

Прошло ещё полдня, и к Бай Юйхуэю пожаловал третий посетитель.

Это был Аньпин-хоу.

В обычные дни старый хоу всегда производил впечатление доброжелательного и мягкого человека, но сейчас, стоя в этом мрачном и сыром подземелье, он по-прежнему не сходил с улыбки и заботливо произнёс:

— Минъюнь, старик не верит, что смерть министра Чэня как-то связана с тобой, я верю тебе.

Бай Юйхуэй сидел на подстилке из сухой травы, не поднимаясь, и холодно ответил:

— Благодарю.

Заметив, что тот даже не поднял головы, старый хоу слегка остыл в своей улыбке и мягко осведомился:

— Днём к тебе заходила Аньпин?

— Мм, княгиня уже побывала здесь, и я прямо сказал ей, что женщины меня не интересуют.

Улыбка Аньпин-хоу полностью испарилась, и он недобро бросил:

— Ты... как ты мог...

Бай Юйхуэй приподнял взгляд и с улыбкой произнёс:

— Разве не сам хоу надеялся, что между мной и княгиней в этой жизни не будет никакой связи? Иначе к чему было затевать столь долгие окольные пути, я прав?

Лицо Аньпин-хоу помрачнело, но из-за тусклого света в темнице это было не слишком заметно.

Лишь смутно по ауре хоу можно было догадаться, как сильно он разгневан.

— Что ты имеешь в виду!

Бай Юйхуэй опустил голову, смахнул с подола ползающего таракана, хлопнул в ладоши и поднялся на ноги. Подойдя ближе к решетке, он тихо проговорил:

— Куда я направлялся той ночью, другие могут не знать, но хоу-то должен быть в курсе.

Старый хоу слегка вздрогнул, но возражать не стал.

Бай Юйхуэй переменял позу, прислонился к тюремной решётке и продолжил:

— В тот день я пошёл в Ресторан Цзюйфэн, а у входа столкнулся со слугой из поместья хоу. Когда же я выходил из особняка управляющего Цзиня, то снова встретил людей из вашего благородного дома. Едва ли... это простое совпадение.

Аньпин-хоу так сильно сжал кулаки в рукавах, что суставы затрещали. Он и не думал, что тот обо всём осведомлён.

— Ещё до меня доходили слухи, что хоу поддерживает прекрасные личные отношения с министром обороны: они частенько вместе выпивают и смотрят представления. Какое упущение, но у меня со старым министром не было столь гармоничных отношений. Если бы я пришёл к старому министру с едой, он, боюсь, просто выставил бы меня за дверь? Однако, если бы этот человек был хорошо знаком самому старому министру, тот, пожалуй, не стал бы проявлять такую осторожность, скажите ведь, я прав?

Аньпин-хоу шагнул вперёд и зловещим тоном произнёс:

— Есть ли у тебя доказательства подобных слов?

Бай Юйхуэй воспользовался моментом, чтобы снова усесться на траву у стены, заложил руки за голову и с улыбкой ответил:

— Разумеется, нет. Это всё мои догадки.

— Тогда почему в главном зале ты не стал оправдываться, неужели ждал, пока господин Гао вынесет приговор?

Бай Юйхуэй отозвался:

— Не совсем так. Я просто хотел убедиться, действительно ли тот, кто подставил меня за спиной, — это хоу. Теперь я знаю, и умру с чистой совестью, так даже лучше.

— Какая у тебя, оказывается, широкая душа. Неужели тебе не хочется узнать, почему ты навлёк на себя эту беду?

Бай Юйхуэй холодно хмыкнул и усмехнулся:

— Я всего лишь пешка, какая от меня польза, кроме того, что путаюсь под ногами? Эта так называемая беда — не более чем съеденные фигуры в чужой игре, и так совпало, что среди них оказался близкий друг вашей светлости?

— Ты...

— Раз уж мне удалось сокрушить прежнего министра обороны, я, разумеется, провёл отличную подготовку. Вы с ним приходите друг другу братьями не по крови, и если бы я не знал даже этого, мне не стоило бы и надеяться усидеть на своём месте. Хоу, эта пешка в руках хозяина дожила до сегодняшнего дня вовсе не случайно, у меня есть кое-какие способности.

В этот момент в душе Аньпин-хоу не было гнева — царило странное спокойствие.

Огоньки свечей в темнице покачивались, и оттого массивная фигура хоу на стене казалась ещё более суровой и жуткой.

Стражников из тюрьмы хоу предварительно разогнал, так что даже если бы он убил Бай Юйхуэя прямо сейчас, помешать было бы некому.

Аньпин-хоу молча стоял в проходе темницы, глядя на пятна сырости на потолке, и вздохнул:

— Хочешь выбраться отсюда? Согласись на одно моё условие, и я позволю тебе уйти целым и невредимым.

Бай Юйхуэй ответил без малейших раздумий:

— Здесь неплохо, уходить я не собираюсь.

Бонан-хоу вскинул брови и насмешливо бросил:

— Ты даже не знаешь моего условия?

— Я не стану служить вам, благодарю за столь высокую честь.

— Неблагодарный глупец, ты ещё приползёшь ко мне с мольбами.

Полы одежд взметнулись, огоньки свечей испуганно затрепетали и, качнувшись пару раз, наконец замерли.

В темнице вновь воцарилась тишина. Влага, просачивавшаяся сквозь потолок, собиралась в капли и с тихим стуком падала на поросшие грязным мхом каменные плиты, разнося звонкое

эхо по длинному коридору.

Ночь выдалась слишком долгой.

Проведя в молчании четыре дня в Судебном приказе Дали, Бай Юйхуэй вновь предстал перед главным залом Судебного приказа.

На сей раз заседание вели не только господин Гао из Судебного приказа, но и министр наказаний.

Хотя у Бай Юйхуэя и оставался статус подозреваемого, улики, доказывающих, что именно он вывел Цуньсинь из Ресторана Цзюйфэн, на самом деле не существовало, равно как не было и доказательств того, что в ту ночь он заходил в особняк министра обороны. А потому все предположения оставались лишь предположениями.

Господин Гао ломал голову над тем, что в подобной ситуации всё же следовало привлечь к допросу министра наказаний — авось, пользуясь служебным положением или личными связями, удастся выбить из Бай Юйхуэя хоть какую-то пользу.

Бай Юйхуэй покорно опустился на колени посреди зала, заложив руки за спину, и стал ожидать вопросов от двух высокопоставленных чиновников.

— Господин министр Бай, зачем вы той ночью ходили в Ресторан Цзюйфэн? Сейчас вы находитесь в статусе подозреваемого, и если откажетесь говорить правду, не обессудьте, но церемониться с вами я не стану! — деревянный молоток в руке министра наказаний гулко застучал о стол.

При каждом ударе уголки глаз сидевшего рядом господина Гао нервно подёргивались.

С чего это министр наказаний вдруг стал таким вспыльчивым?

Бай Юйхуэй поднял глаза, встретился взглядом с министром наказаний и с улыбкой произнул:

— Отвечаю вашему сиятельству: в ту ночь я действительно заходил в Ресторан Цзюйфэн, но лишь за тем, чтобы забрать кое-какую снедь, и никаких иных умыслов не имел.

— Снедь? Какая же снедь требует, чтобы министр лично отправлялся за ней? Господин министр Бай, прекратите нести чушь!

— Всего лишь коробочка пирожных.

— Для кого?

— Для одного друга.

— Неудобно распространяться.

— Неудобно? Господин министр Бай, извольте поднять голову и взглянуть на дощечку над нашими головами, где вы, по-вашему, находитесь? Это не ваше министерство чинов, это Судебный приказ. И здесь вы будете рассуждать со мной о том, что вам неудобно? Похоже, без применения особых мер вам и впрямь не разобраться в своём положении.

Господин Гао еще с самого начала чувствовал, что обстановка складывается неверно: похоже, гнева у министра наказаний было куда больше, чем у него самого, и он опасался, как бы тот не потерял над собой контроль и не учинил...

— Стража! Сперва выдать ему двадцать палок, посмотрим, удобно ли ему станет отвечать.

????!!

Господин Гао едва не свалился со своего стула.

Что это ещё за фокусы?

Хотя он действительно испросил у императора позволения временно привлечь министра наказаний к расследованию, и тот обладал полномочиями вести дела, но чтобы избивать людей при малейшем несогласии — неужели это новый тренд в ведомстве наказаний?

Несколько дюжих стражников беспрекословно повиновались: двое прижали Бай Юйхуэя к длинной скамье, чтобы он не мог поднять голову и вырваться.

Еще двое встали по обе стороны, сноровисто затянули счёт и принялись за дело.

Лоб господина Гао мгновенно покрылся холодным потом.

Взвесив всё как следует, он поспешно рявкнул, останавливая палачей, успевших опустить палки раз пять-шесть:

— Прекратить! Министр наказаний, император направил вас мне в помощь, но разве подобное поведение не означает плевать в колодезь хозяина? К тому же, хотя господин министр Бай и подозревается в преступлении, железных улик, подтверждающих, что Цуньсинь вывел именно он, нет и в помине. Я дотошно во всём разобрался: эта самая Цуньсинь не имеет ни цвета, ни

запаха, изначально это всего лишь пряность. Ее добавляют в наваристые бульоны для аромата и уменьшения жирности. И лишь при сильном превышении дозы она превращается в смертельный яд, убивающий с одного удара. Вся кухня Ресторана Цзюйфэн находится в ведении одного лишь повара Хромого Ли, которого до сих пор не поймали. Если мы прямо сейчас подвергнем подозреваемого столь жестокой пытке, не вызовет ли это народный ропот?

Министр наказаний даже бровей не приподнял, лишь холодно усмехнулся:

— К тому моменту, как вы поймаете этого Хромого Ли, на теле министра Чэня уже мухи заведутся. Что именно он взял той ночью и куда направился — господину министру Бай достаточно лишь произнести это вслух, а мы уж проверим. Не желает говорить — заставим. Выбить из него признание всяко быстрее, чем искать иголку в стоге сена. Чего стоите? Продолжайте бить.

...Господин Гао мысленно взмолился: о матушка моя, не зря у ведомства наказаний такая высокая эффективность в работе, с таким безжалостным человеком во главе они любого невинного заставят признаться под пытками.

Глава двенадцатая

На местах ударов проступила кровь, брови Бай Юйхуэя сходились всё плотнее, а с губ то и дело срывались тихие стоны.

После двадцати ударов палками весь его вид был таким, словно он уже расстался с половиной жизни.

Сначала болело лишь сидалище, затем боль разлилась отёком по обеим ногам, а после перекинулась на поясницу, шею и макушку — казалось, всё тело рассыпалось на куски от невыносимой боли.

Закончив принимать наказание, Бай Юйхуэй лежал на полу, сплошь покрытый холодным потом, являя собой жалкое зрелище.

Наблюдая за тем, как некогда почтенный министр Бай превратился в нечто среднее между человеком и призраком, господин Гао принялся про себя бормотать буддийские сутры.

— Какая же это напасть, что за бред? Разве нельзя было по-хорошему поговорить? К чему эти палки? Ни единой улики на руках, а вы за палки хватаетесь! И эти деревянные болваны тоже хороши, неужели нельзя было бить мягче? А вдруг господин Бай и впрямь оклеветан, как он потом людям в глаза смотреть будет? Это всё-таки Судебный приказ...

Сидящий рядом министр наказаний оставался совершенно невозмутим и по-прежнему вещал с избытком властности:

— Господин министр Бай, одумались? Что именно вы взяли той ночью, куда доставили? Есть ли свидетели?

Сознание министра Бая уже слегка затуманилось, он с трудом приподнял веки и смог различить лишь две расплывчатые фигуры в красных одеждах, восседавшие в зале на фоне пестрой узорчатой стены, пока эти краски постепенно не заслонили собой весь мир.

Бай Юйхуэй потерял сознание прямо посреди главного зала Судебного приказа.

Господин Гао в страшной спешке одновременно вызвал лекаря и помчался с жалобой к императору.

— Ваше Величество, вашему слуге должно высказать одно слово. До сих пор в деле нет никаких реальных улик, доказывающих, что министр Бай — убийца министра Чэня. А несколько ударов палками, назначенные министром наказаний, конечно, демонстрируют разделение личного и государственного, но, по мнению вашего слуги, идут вразрез с законами. Прошу императорской милости, пусть министр наказаний возвращается в своё ведомство и больше не вмешивается в это дело.

Император полулежал на кушетке для наложниц и улыбался с поразительным изяществом:

— Господин Гао, вчера это вы умоляли Меня направить министра наказаний вам в помощь, а сегодня вы же просите прогнать его обратно. Как вы там выразились вчера? У министра наказаний острый ум и божественный дар в расследовании преступлений, он непременно поможет вам быстро отыскать зацепку. Что же случилось, прошла ночь, и вся его острота ума с божественным даром были вами благополучно съедены?

Лицо старого господина Гао залилось краской, и он забормотал в ответ:

— Ваш слуга опасается, что если министр наказаний продолжит оказывать такую помощь, министр Бай просто-напросто испустит дух прямо в нашем Судебном приказе. Ваш слуга не понесет за это ответственности.

Заметив, что румянец на лице господина Гао перекинулся с щёк на самую шею, император оставил шутливый тон, поднялся с места и, поддержав чиновника, произнёс:

— Ладно, отправляйте министра Бая домой оправляться от ран. У этого дела другой виновник, но можно утверждать наверняка: это не министр Бай. Хоу, выходи.

Оказывается, за шёлковым задником всё это время кто-то стоял — это был Аньпин-хоу.

Ступая ватными ногами обратно в Судебный приказ, господин Гао под всеобщие озадаченные взгляды объявил о невиновности министра Бая и распорядился доставить его в особняк

министра.

Слова Аньпин-хоу всё ещё звучали у него в ушах:

— Той ночью министр Бай действительно ходил в Ресторан Цзюйфэн, чтобы забрать коробку ананасовых пирожных, и доставил их в мой особняк. Просто моя дочка страсть как любит ананасовые пирожные, а министр Бай, узнав об этом, раздобыл их для неё. Если министр Бай упорно молчал о том, что той ночью направлялся в наш особняк, вероятно, опасался запятнать доброе имя моей дочери. Раз уж министр Бай так прикрывал репутацию нашего дома, будет с моей стороны верхом бессовестности продолжать молчать и не сказать честного слова. Господин Гао, дело обстояло именно так.

Выходит, министр Бай хранил молчание исключительно ради чести княгини Аньпин? Выходит, слухи о том, что княгиня Аньпин питает нежные чувства к министру Баю, — чистая правда?

Лицо господина Гао менялось в цвете несколько раз подряд, пока наконец не привлекло внимание министра наказаний, собиравшегося сменить дислокацию.

— Господин Гао, что-то у вас лицо неважное?

Господин Гао едва не скрежетал зубами от злости: вашей милостью!

— Неужели этот министр Бай и впрямь чист перед законом? Подумать только, я ведь и вправду не предполагал. Знал бы — не стал назначать те двадцать палок, лишь напрасно разрушил братские узы между мной и министром Баем.

От злости челюсти господина Гао свело еще сильнее, ему хотелось сжать их так, чтобы искры полетели.

Как же вовремя он отвесил те двадцать палок!

Это и продемонстрировало его беспристрастность вкупе с отказом от личных поблажек, и позволило спихнуть всю ответственность на Судебный приказ, ведь избиение произошло именно там. Как ни крути, но первому принимать на себя все косые взгляды придётся именно ему, великому судье Судебного приказа Гао.

А министр наказаний — он ведь всего лишь помощник, в худшем случае соучастник...

Наблюдая за тем, как алые чиновничьи одежды бодрым шагом удаляются за ворота, господин Гао мысленно выругался: старый лис, ну и ловкач же ты.

Бай Юйхуэя пригласили в Судебный приказ нагрянуть в качестве гостя, а вынесли оттуда уже

на носилках.

Заместитель Ли, заранее получивший весточку и вышедший встречать процессию, то шагал взад-вперёд по дороге, то то и дело вставал на цыпочки, вглядываясь вдаль в сторону Судебного приказа.

Завидев издалека нескольких дюжих стражников, которые на чём-то выносили человека из Судебного приказа, заместитель Ли сперва не придавал этому особого значения. Однако по мере того, как носилки приближались, он наконец разглядел, что несут вовсе не какой-то предмет, а балансирующего на волоске от смерти Бай Юйхуэя.

Заместитель Ли бросился к ним почти бегом, собираясь уже выкрикнуть ругательство, но вовремя остановился, перехваченный предостерегающим взглядом Бай Юйхуэя.

— Ты... как же ты так сильно пострадал? — заместитель Ли с трудом подавил бушующий гнев; только ему одному было ведомо, каких трудов стоило удержать сжатые в кулаки руки в рукавах.

С тех пор как он познакомился с Бай Юйхуэем, ему ещё ни разу не доводилось видеть того столь изнурённым и слабым. Даже в те дни, когда тот метался в бреду от сильнейшей горячки, цвет его лица выглядел куда здоровее нынешнего.

Не будь они столь близки друг другу, вряд ли нашлось бы много желающих поверить, что этот полуживой человек на носилках — тот самый министр чинов Бай Юйхуэй.

Бай Юйхуэй изо всех сил попытался приоткрыть веки, поднял слабую, лишённую сил руку, ухватился за рукав заместителя Ли и едва слышно прошептал:

— Не глупи... отведи меня домой.

Заместитель Ли перехватил его исхудавшую руку своей и крепко сжал:

— Понял, пока ничего не говори, я отвезу тебя домой. Дома я тотчас позову искусного лекаря, чтобы как следует тебя осмотрел.

Услышав эти слова, Бай Юйхуэй чуточку успокоился и снова смежил смертельно тяжёлые веки.

Он устал. Невероятно устал.

Он давно был готов умереть в стенах Судебного приказа и даже мысленно набросал черновик предсмертной записки.

Не удастся выйти — ну и ладно.

Удалось выбраться — тоже неплохо.

Заместитель Ли справился с бурей в душе и велел стражникам нести носилки как можно аккуратнее, после чего проводил их до дворцовых ворот и дальше к особняку.

Миновав алые дворцовые створки, заместитель Ли обернулся и молча вздохнул.

Все только и твердят, как чудесно быть чиновником при дворе, так почему же он сам не ощущает никакой благодати?

Пара-тройка воробьев летела над закатным солнцем, и их щебетание вернуло погрузившегося в невесёлые мысли заместителя Ли к суровой реальности.

— Эй-эй-эй, вам же велели: аккуратнее, не трясите! Это вам не кто-нибудь, а наш министр чинов! Если вы его растрясёте так, что он кончится, сумеете ли за это ответить?

Стражники тут же заупокойно закивали и прибавили шагу, стараясь нести носилки ещё плавнее и ровнее.

У ворот особняка Бай Юйхуэя уже ждали Бай Лань и прочие домочадцы, вышедшие встречать хозяина.

Бай Лань обладал зорким глазом и, завидев издалека уныло плетущегося заместителя Ли, стрелой бросился вперёд.

Несколько дней разлуки — и вот их господин превратился в такое пугающее подобие человека; Бай Лань оказался не в силах снести увиденное и прямо посреди улицы разрыдался.

— Господин мой! Что же с вами случилось? Шли по делам службы — и на тебе, дошли до такого! Господин? А давайте бросим эту службу, а? Пусть кто хочет, тот и заседает, а мы подадим в отставку, я пойду с вами домой, будем землю пахать, скот пассти, да хоть что делать, только бы не тащить эту неблагодарную лямку, хорошо? Жизнь ведь дороже всего!

Сначала заместитель Ли хотел было осадить юнца, но, подумав, решил: Бай Лань не из чиновников, так что даже если его слова звучат несколько неуместно, беды большой не навлекут — пусть выговорится. То, о чём кричал Бай Лань, на самом деле отражало и настроение самого заместителя Ли.

В конце концов, поморщившись, Бай Юйхуэй остановил хриплые рыдания Бай Ланя взглядом: ему совсем не улыбалось, чтобы прохожие глазели на него как на цирковую обезьяну.

Бай Лань поспешно умолк и вместе со стражниками помог занести носилки внутрь поместья.

Когда всё было устроено, оба стражника засобирались обратно во дворец с докладом.

Заместитель Ли перехватил их во дворе, загородив дорогу:

— Братья, погодите. Это вот вам на чай, по скромному сувениру от меня, — и он сунул в руки каждому по небольшому серебряному слитку.

— Вы слишком любезны, господин заместитель. Чего изволите спросить у нас?

— Не беспокойтесь, ничего из ряда вон выходящего. Просто хочу узнать, кто именно отдал приказ высечь господина Бая палками.

Стражники переглянулись и, поразмыслив, шепнули заместителю Ли на ухо:

— Не смеем вас обманывать, господин заместитель, это распоряжение министра наказаний. В тот день наш начальник вёл стандартный допрос о деталях. Господин Бай отказался сотрудничать, и тогда министр наказаний велел немедленно применить палки. Видит небо, в нашем Судебном приказе и в мыслях не было выбивать признание силой. Если не верите, сможете сами спросить об этом господина Бая, как только он придёт в сознание.

Заместитель Ли кивнул:

— Благодарю за труды, тогда не стану вас задерживать, ступайте осторожно.

Стражники получили разрешение и покинули особняк.

Как только они скрылись из виду, заместитель Ли со злости ударил кулаком по стволу белой сливы во дворе Бай Юйхуэя и прошипел сквозь зубы:

— Я же знал, что эта сволочь — та еще дрянь. Но чтоб до такой степени...

Министр Ци, которого так усердно костерил заместитель Ли, как раз сидел за обеденным столом в собственном доме и безостановочно чихал. Бросив взгляд на заходящее за горизонт солнце, он велел слугам подавать ужин быстрее:

— Вроде бы и не холодно на дворе, с чего это меня продуло?

Заместитель Ли разыскал за пределами дворца самого лучшего лекаря, чтобы осмотреть раны Бай Юйхуэя, но Бай Юйхуэй и Бай Лань в один голос отказались.

— Твой господин болен и бредит, но ты-то, Бай Лань, куда туда же? Человек ранен, а лекаря не пускаете, смерти его ждёте?

— Заместитель Ли, вы провели на ногах полдня, ступайте-ка лучше домой отдыхать, а о здоровье нашего господина мы позаботимся, всё будет в порядке.

— Ты же парень не лекарь! А ну отойди, не мешай осматривать Минъюня.

— Заместитель Ли, у нашего господина есть свой проверенный лекарь, он уже в пути, так что отведите-ка этого эскулапа обратно отдыхать. Уж в стенах особняка Бай можете быть спокойны на сто двадцать процентов, с нашим господином всё будет в порядке.

Заместитель Ли полуверующе заглянул из-за плеча Бай Ланя на поникшего на постели Бай Юйхуэя и с сомнением переспросил:

— Твой лекарь что, искуснее этого?

— К нему привык наш господин, он знает всё до мелочей о его здоровье, и рецепты выписывает верные, так что не переживайте.

— А он вообще знает, где мой особняк?

— Не беспокойтесь, если что пойдёт не так, я тут же pošлю человека побеспокоить вас.

— Ладно, раз ты человек старый при Минъюне, пока поверю тебе на слово. Минъюнь, я пойду, если понадоблюсь — передай через Бай Ланя.

Заместитель Ли трижды оглянулся на пороге и наконец покинул особняк Бай.

Бай Лань взял у служанки таз с тёплой водой, велел никому не входить во внутренние покои и в одиночку шагнул за дверь.

Бай Юйхуэй на кровати выглядел невероятно бледным и изнурённым.

<http://bllate.org/book/21823/2259733>